Братья Гримм

Королек

В стародавние времена у каждого звука было свое значенье. Когда громыхал кузнечный молот, он выкликал:
«При-кле-пать! При-кле-пать!»
Когда поскрипывал плотничий рубанок, он говорил:
«Ты строгай! Ты строгай! Ты строгай!»
А когда начинали постукивать мельничные колеса, они говорили:
«Бог на помощь! Бог на помощь!»
А если мельник оказывался обманщиком, они говаривали верхненемецким говорком и спрашивали поначалу медленно:
«Кто там? Кто там?» — а потом быстро отвечали:
«Мельник! Мельник!» — и наконец совсем быстро, скороговоркой:
«Крадет дерзко, крадет дерзко, да с восьмушки три шестых!» В те времена у птиц был тоже свой язык, и его понимал всякий, а теперь он звучит как щебет, писк или посвист, а у иных — как музыка без слов.
И вот подумали птицы, что оставаться им больше без хозяина невозможно, и они порешили выбрать из своих же кого-нибудь в короли. Только один чибис был против этого: он жил свободно и свободным хотел умереть, и вот в страхе летал он повсюду и взывал:
«Где мне быть? Где мне быть?»
Залетел он в глухие непроходимые болота и не стал с той поры среди своих и показываться.
Тогда порешили птицы обсудить это дело как следует и в одно прекрасное майское утро собрались все вместе из лесов и полей — орел и зяблик, сова и ворона, жаворонок и воробей. Стоит ли всех их тут перечислять? Явились даже кукушка и выпь — ее причетник, — ее называли так потому, что слыхать ее было всегда на два дня раньше; даже совсем маленькая птичка, та, у которой и названья еще не было, тоже затесалась в эту пеструю стаю. Курица как-то случайно ничего об этом не слыхала, и она стала удивляться такому большому сборищу. «Что это, что это та-ко-е, что это та-ко-е?» — закудахтала она, но петух успокоил свою дорогую наседку и сказал: «Тут богатые всё люди!» — и рассказал ей о том, что они затеяли.
Было решено, что королем должен стать тот, кто сможет взлететь выше всех. Как только услыхала об этом лягушка-древесница, что сидела в кустах, она начала предвещать: «Мокро, мокро, ква-ква-ква! Мокро, мокро, мокро, ква-ква-ква!» — она считала, что немало слез из-за этого будет пролито. Но сказала ворона: «Кар! Какой вздор!» — дескать, все обойдется хорошо.
И было решено, что следует тотчас же, в это прекрасное утро, и начать полет, чтоб никто потом не смел говорить: «Я мог бы взлететь еще повыше, да наступил вечер, и потому я выше не мог».
И вот по данному знаку поднялась вся стая на воздух. Понеслась с поля пыль, и был превеликий шум, свист и хлопанье крыльев; и было похоже издали, будто движется черная туча. Но маленькие птицы вскоре отстали, дальше лететь они не смогли и опустились снова на землю. Птицы, которые побольше, те держались дольше, но никто не мог сравняться с орлом: он поднялся так высоко, что мог бы, пожалуй, выклевать глаза самому солнцу. Увидел он, что другие не смогут долететь до него наверх, и подумал: «Зачем мне подыматься выше, я все равно уже король», и он начал спускаться вниз. Птицы, что были внизу, все воскликнули разом:
— Ты должен быть нашим королем, никто не взлетел выше тебя!
— Кроме меня, — крикнула птица-малютка, у которой не было имени: она запряталась в перья на груди у орла. И так как она не устала, то она взлетела и поднялась так высоко, что могла увидеть бога, сидящего на своем престоле.
Но взлетев так высоко, она сложила крылья, спустилась вниз и крикнула пронзительным голосом:

— Король — я! Король — я!
— Это ты наш король? — гневно воскликнули птицы. — Ты хитростью и уловками взлетела так высоко.
И они выдвинули другое условие: тот будет королем, кто глубже всех заберется под землю.
Как захлопал тут гусь своими широкими крыльями, кинувшись на свое пастбище! Как быстро вырыл яму петух! А утка, та поступила хитрее всех, она прыгнула в яму, но вывихнула себе обе ноги и, переваливаясь с боку на бок, заковыляла к ближнему пруду, восклицая: «Какое несчастье! Какое несчастье!»
А безыменная птица-малышка выискала себе мышиную норку, забралась туда и тоненьким своим голоском закричала оттуда:
— А король-то ведь я! Король-то ведь я!
— Это ты наш король? — воскликнули птицы, еще пуще разгневавшись. — Ты думаешь, твои хитрости чего-нибудь стоят?
И они порешили держать ее в той норе взаперти и там заморить ее голодом. Поставили они в сторожа сову: пусть-де, если жизнь ей мила, плутовку не выпускает. Но вот наступил вечер, и птицы устали от напряженных полетов и улеглись с женами и детьми спать. Осталась у мышиной норы одна лишь сова, она пристально всматривалась в нее своими большими глазами. Но утомилась и она и подумала: «Один глаз можно, пожалуй, будет закрыть. Я могу сторожить и одним глазом, маленький злодей из этой норы никак не выберется». И она закрыла один глаз, а другим пристально глядела на мышиную нору. Высунула голову маленькая плутовка, хотела было ускользнуть, но сова тотчас подошла, и та спрятала голову назад. Тогда сова открыла опять один глаз, а другой закрыла, и решила так делать всю ночь напролет. Но, закрыв снова один глаз, она позабыла открыть другой, и как только оба глаза закрылись, она уснула. Маленькая плутовка это вскоре заметила и ускользнула из норы.
И с той поры сова не смеет больше показываться днем на свет, а не то нападают на нее сзади разные птицы и выдергивают у нее перья. Она вылетает только по ночам, она ненавидит и преследует мышей за то, что они делают такие хитрые норы. И маленькая птица тоже не очень любит показываться на свет, она боится, что ей несдобровать, если ее поймают. Она прыгает по плетням и заборам и, чувствуя себя в безопасности, иной раз прокричит: «А король-то ведь я!», и потому остальные птицы называют ее в насмешку: «Король на заборе».
Но никто так не радовался, как жаворонок, что не надо ему корольку подчиняться. Только покажется солнце, подымается жаворонок высоко-высоко в воздух и поет:
— Ах, как хорошо на свете! Как хорошо! Хорошо-то как! Хорошо!